

**НИКОЛАЙ
АНИСИН**

ОТ СТАЛИНА ДО ПУТИНА

ЗИГЗАГИ ИСТОРИИ

Николай Анисин

**От Сталина до Путина.
Зигзаги истории**

«Книжный мир»

2016

Анисин Н. М.

От Сталина до Путина. Зигзаги истории / Н. М. Анисин —
«Книжный мир», 2016

ISBN 978-5-8041-0882-4

Книга Николая Анисина – на грани жанров: это и не художественное произведение, и не публицистика в чистом виде. Зарисовки из жизни соседствуют в ней с такими фактами, о которых сложно сказать, сколько в них литературного, а сколько документального. Но разве не такова и вся политика? Разве не текут в политических подземельях в вечном сумраке темные реки, в которых плавают такие монстры, о которых лишь смутно подозревает наше подсознание, не готовое в них поверить? Герои Николая Анисина – люди, вершащие судьбы планеты: Сталин и Черчилль, Ельцин и Путин, Киров и Сулов... Но рядом с ними всегда те люди, на плечи которых и ложатся результаты великих «свершений». И в первую очередь, сам автор, чья судьба крепко-накрепко вплетена в повествование. Сцена действия – от сталинского кабинета в Кремле до туманного Альбиона, от черноморских пляжей до подмосковной глубинки. Но и главный герой, и главная сцена действия книги – Россия. Так что же такое эта книга Николая Анисина? Это не роман и не очерк, это – летопись нашей эпохи перемен, которая началась с момента смерти Иосифа Сталина и продолжается до сих пор. Видимо, такая форма наиболее адекватна для отражения нашей действительности, ведь прошлое – неизвестно, настоящее – зыбко, а будущее – туманно. Хотите узнать больше? Читайте летопись Николая Анисина.

ISBN 978-5-8041-0882-4

© Анисин Н. М., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

Предисловие	7
Звонок от Сталина	8
Глава 1. Да будет свет	8
Глава 2. Он вернулся из боя	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Михайлович Анисин
От Сталина до Путина: зигзаги истории

© Н.М. Анисин, 2016

© Книжный мир, 2016

Предисловие

Ничто не вечно под луной – и мало что под нею ново. Глубинные коды нашего народа неизменны – стало быть, не учитывая былых своих заблуждений и достижений, любо-дорого нам не жить. Так можно определить «сверхидею» этой книги Николая Анисина, которая представляет собой своего рода летопись эпохи Ельцина и Путина. Ее ключевые события неразрывно связаны с личной судьбой автора и отражены им без заведомых предубеждений, но с осмыслением их подноготной – через вплетенные в летопись русские зигзаги XX века. В вихрях этих зигзагов высвечиваются и причины потрясений 1990-х, и факторы, способные либо свергнуть современную Россию в новую катастрофу, либо повлечь ее к поступи в светлые дни.

Энергия в обществе, как и в природе, используется по-разному. Ее можно взлелеять высокими идеалами и вдохновить на чудо в труде и бою. Ее можно тупо востребовать под лозунгами догм и держать в тисках – лучше застой, чем развитие вне контроля. Ее можно взбудоражить на буйство корысти, чреватое крахом общего дела и вопиющим антагонизмом между гражданами. Все три способа управления энергией общества мы испытали на себе. Какой из них применяется в России теперь и подходит ли нам путь, по которому ведет нас ныне высшая власть? Книга Николая Анисина предназначена тем, кто задумывается над этими вопросами.

Звонок от Сталина

Глава 1. Да будет свет

Ливень за окном шумел уже полчаса. Кругом – потоп, я покумекал: и Серега заклинится в пробках. Но он выплыл к особняку Союза писателей ранее, чем столковано было. И в 19.20 позвонил из машины:

– Карета у парадного подъезда.

От писательского особняка, где наша редакция арендовала кабинеты, мы покатали по Комсомольскому проспекту и за Крымским мостом съехали на Садовое кольцо.

Жуткой мощи джип Серега вел лихо, как обычно, словами перекидывался спокойно. Но странную мину имел на физиономии: будто шуганули его где-то невзначай: испуг рассеялся, а – не по себе.

У Смоленской площади Серега повернул направо – в задворки МИДа. Там рванул, разметая лужи, по кривой улочке и закатил в зеленый двор – к яркой вывеске китайского ресторана:

– Вот тут и пображничаем.

Сказанул он это, как ухарь-купец, удалой молодец. А смятение с лица не уронил.

Когда взбрело Сереге на ум тяпнуть со мной водки и посудачить про политику, он завозил меня в кабак на Старом Арбате, где все официанты знали его по имени-отчеству. Ныне же почему-то новое выбрал место.

Холл китайского ресторана украшал рой русских юниц – в белых кофточках и черных юбочках. Заметив нас на пороге, девушки все, как по команде, вспорхнули со скамеек.

Незанятых столиков в зале ресторана было полно. Но Серега прошествовал мимо них – к двери в левой стенке. Мы вошли в отдельный кабинет. Сели за в снежной скатерти стол, и трое красоток из холла застыли перед нами. Одна – с меню в кожаных обложках, другая – с марлевыми, влажно-горячими салфетками для рук, третья – просто с улыбочкой: чего еще изволите?

Вскрыв меню, Серега поднял на меня глаза. Я кивнул: снова всё как всегда – что закажешь, то под водку и умнём. Неспешно и твердо Серега пустился диктовать: сок из апельсинов выжать, солений таких подать, салатов – эдаких, запечь утку по-пекински...

– Я есть по менталитету фарцовщик джинсами из Калининграда.

Так нарисовался передо мной Серега в день нашего знакомства.

Шла тогда вторая неделя смуты 1993-го. Под вечер во вторник я приплелся в редакцию. Сдал в секретариат заметки со своими мыслишками о шуме-гаме в Москве. И услышал от Жени Нефёдова – ответственного секретаря:

– Помощница Командира названивает. Тебя у приемной обождался какой-то фестиваль-ный мужик.

Кабинет Командира – главного редактора нашей газеты «День» Александра Андреевича Проханова – был этажом ниже секретариата. Я спустился по лестнице.

Рядом с приемной прохановского кабинета в коридоре стоял диван. На нем восседал мордovorot лет тридцати пяти. С драгоценного его пиджака, казалось, сыпались искры, от высокого лба и упитанных щек – веяло жарким курортом. В правой руке с золотым перстнем-печаткой он держал номер газеты «День» с моим последним репортажем из Дома Советов.

Ага, заметил я себе, очередной читатель прибыл пытаться меня нотациями. Как вихри враждебные меж двумя ветвями власти завяляли, мне раз по десять на дню приходилось выслу-

шивать: что писать надо во вразумление парламента. Наставлять через газету депутатов на победоносные шаги по выкуриванию Ельцина из Кремля жаждали и голодные, и сытые.

Мордоворот представился: Сергей Потёмкин. Прорекларировал свой менталитет. Доложил, что в политику он никоим боком не вхож. И к изумлению моему далее изрек:

– Мне не всё равно – кто победит: Ельцин или парламент. Поэтому я, Потёмкин, решил развеять тьму в Доме Советов и купил в подарок депутатам передвижную электростанцию.

Он взмахнул номером «Дня»:

– Вот вы тут расписываете, как маются в парламенте без света. Лично меня это не волнует. Заседают депутаты при свечах – и пусть. Пусть клянут Лужкова за лишение их удобств. Но, чтоб парламент мог доказать народу свою правоту перед Ельциным, ему нужно врубить его радиопередатчики и обратную связь держать с правильным человеком – от Москвы до самых до окраин. А моей электростанции – залей в неё малость бензина – хватит и на радиотрансляцию, и на питание раций, и на зарядку телемобильников. И на свет для заседаний, кстати, – тоже.

Изжоги у меня пижонистый гость редакции уже не вызывал. Я даже вмиг избавился от вызванной недельным недосыпом сонливости, и сам продолжил разговор:

– До подарка такого парламенту вы додумались или кто-то другой?

Крупной ладонью светоносец Потёмкин поправил аккуратную прическу:

– Я – в прошлом комбат-десантник. Не один год в Афгане гонялся за душманами. Кому, как не мне, знать – что значит радиосвязь?

– Странно, – вырвалось у меня, – «афганцам» режим Ельцина солидные льготы в коммерции даровал, и они им довольны в большинстве своём. Вы, судя по виду вашему, также не бедствуете. Но покупаете для парламента агрегат против Ельцина.

– Я против Ельцина и с автоматом пойду, если стрельба начнется. Не важно, какой у меня доход. Мне, нормальному человеку, мразь трудно переваривать. – Потёмкин откинулся на спинку дивана:

– Меня в 1989-м выписали из госпиталя, и что тут обнаружилось? Я – отставной боевой офицер с орденами – нищий, а с кооператоров, которых Горбачёв наплодил, жир капает. Они – кровь за Родину проливали? Они – луноход изготовили, БАМ построили? Разбогатели жулики с блатом – те, кто через власть выдоил государственные ресурсы в свои кооперативные ведерки.

Я не пропал. Способ добывать на кусок хлеба нашел – покупал джинсы в Польше и перепродавал в Калининграде и Риге. Но мои деньги – это труд, весь на нервах. А жулики под речи Горбачева о народном благе перестроили кооперативы в банки с биржами и не соки уже, а кровь стали из государства на халяву высасывать.

Ход мысли моего собеседника скуки не навевал, и я разговор не только не свернул, но сам продолжил:

– На ваш взгляд, Горбачев и Ельцин – это два сапога пара?

Потемкин решительно замотал головой:

– Нет. Горбачев – башмак в навозной жиже – вспоил-вскормил кровососов. Но при нем их аппетиты всё-таки ограничивались. А Ельцин – сапог в дерьме – сделал власть обслугой кровососов. Дал им цены без контроля и свободу афер – с грошами, с арендой-покупкой зданий, с экспортом: налоги не платите, кредиты из бюджета заныкивайте, граждан с вкладами в банках облапошивайте, заглывайте задарма торговлю и сервис, зарывайте за бугром валютную выручку, тащите импорт, в таможене фиг оставляйте, а не пошлины. Короче: обогащайтесь, как сумеете. Страну оголодите окончательно – не проблема. Построение капитализма требует жертв. Ельцин, в отличие от Горбачева, не мечется туда-сюда между трудом и капиталом. Он своей политикой изготавливает капиталистов – бугров, столпов нового строя. Но из кого изготавливает? Из гнид. А я не хочу жить при вшивом капитализме.

Из руки в руку Потёмкин переложил номер «Дня» с моим репортажем из Дома Советов:

– Здесь у вас – точный вывод. Парламент мешал вхождению в Кремль жульню приватизировать самое лакомое: нефтескважины, газопроводы, шахты с рудниками, порты, крупные заводы. И именно потому Ельцин издал указ о его роспуске. Парламент указ не признал. За ним – закон. Но, как я понял из ваших слов, депутаты не рвут пуп, чтоб их постановление об отставке Ельцина было выполнено. Они сидят и ждут, что он сам уйдет, что испугается скрипа перьев в Конституционном суде, который шьет ему нарушение закона.

Но на кону – куш: несметное добро. Не исчезнет Ельцин из Кремля – гниды этот куш сорвут и в громадных вшей превратятся. Ельцин им позарез нужен. За ним – денежная сила гнид. Не выставит против неё парламент кулак из нормальных людей – всё профукает. Ему до этих людей надо докричаться, и моя электростанция тут может пригодиться. Поэтому я вас прошу мне подсобрать.

Я вывел на лице недоумение:

– В чем подсобрать?

– Все подступы к Дому Советов перекрыты. Проход только с одной стороны. Там – пост милиции. Надо, чтоб бойцы из охраны парламента его смяли и забрали у меня электростанцию. Вы, если вашей статье верить, в разные парламентские кабинеты вхожи. Можете с кем-то из начальников договориться насчет бойцов?

– Вероятно, да.

– Тогда забираем станцию и – марш?

– Где забираем?

– Под окнами вашей редакции.

– Едем.

Мы встали с дивана. Потёмкин протянул мне руку:

– Приятно встретить писателя статей, который от теории готов перейти к практике.

Электростанция Потёмкина, упакованная в крепкий деревянный ящик, стояла на прицепе к авто – «Ладе» последнего писка моды. Когда мы сели в её кресла, я спросил:

– Машину вы напрокат взяли?

– Нет, – взметнул он бровями, – купил. Моя она.

– Но номера у неё московские. А вы говорили, что торгуете джинсами в Калининграде.

Потёмкин включил первую скорость:

– Торговал. До реформ Гайдара. Он цены отпустил, и денег в кармане у народа на еду еле хватать стало. Джинсы с куртками залеживались, и я переквалифицировался. Завязал постепенно со шмотками и взялся за харчи. Капиталец имелся, авторитет – тоже, и вышло недурно.

Он сделал паузу, вырвав со двора в поток машин на Цветном бульваре:

– А зимой позапрошлой приехал в Калининград мой батя. Мы вместе не живём тридцать лет – у него другая семья. Но отношения у нас прохладными никогда не были. Так вот, он узрел, как я дело с продуктами поставил, и приговорил: «Тебе нужен новый масштаб – перебирайся в Москву». Батя до разгрома СССР ходил в замах у союзного министра, связей у него полно. Кое-чем он мне помог, и теперь у меня фирма – здесь. Я арендовал нижний этаж жилого дома в Замоскворечье, откопал толковых хлопцев – из десантуры, в основном, навел мосты в местной системе купи-продай, и опт-вал наш на харчовом рынке, хоть и не шибко, но растёт.

Так-так, мелькнуло в моих извилинах, выехал я в Дом Советов с рядовым фарцовщиком из провинции, приеду туда со спекулянт-оптовиком из столичной торговли продуктами – сплошь почти криминальной. Дар парламенту от первого блистал бы благородством, дар же от второго пахивал корыстью.

Ведь мог бы Потёмкин, я рассуждал, ущучить у подъездов Дома Советов кого-то из депутатов, знакомых по телевизору, и мог сам договориться о доставке электростанции. Но в этом случае не исключалось: кто из деятелей парламента у него подарок принял, тот о нём, как о дарителе, тут же и забыл. А если преподнести станцию через журналиста, то факт дарения, как

пить дать, попадет на газетную полосу. Победит парламент, родится новая власть – и публикация даст шанс постучаться в её двери: голубушка, у меня, коммерсанта Потёмкина, заслуги перед тобой, и моей фирме грех не посодействовать...

Мы миновали станцию метро «Баррикадная». За ней следовало поворотить налево. Но путь потёмкинской «Ладе» перегородил густой людской поток, валивший к Дому Советов. Застряли мы в нем минут на десять, и пока сквозь него продирались, мои подозрения о небескорыстном дарении электростанции укрепились.

Три дня назад в то же примерно время такого многолюдья сторонников парламента у «Баррикадной» не было. Но тогда и не было у Потёмкина желания дать свет депутатам. А сегодня, 28 сентября, оно у него вдруг появилось. Почему именно сегодня?

Недельное противоборство Кремля и Дома Советов завершилось вничью. 21 сентября президент Ельцин на бумаге совершил государственный переворот: издал противозаконный указ о роспуске парламента – высшего органа власти в Российской Федерации. Съезд депутатов тем же днем и также на бумаге с переворотом расправился – постановил отрешить Ельцина от должности. Но он остался хозяином в Кремле, а депутатов никто не выносил из Дома Советов – ни живыми, ни мертвыми. На лицо была исключительно словесная война. А в ней, несмотря на то, что все электронные пушки били через эфир по парламентам, Ельцин не выигрывал.

Чем изощренней телеканалы и радио смешивали депутатов с грязью, тем больше москвичей шли к Дому Советов выказать свою солидарность с ними.

Вялотекущая разборка двух ветвей власти каждому обывателю позволяла спокойно сделать выбор. И поскольку Ельцин, а не парламент, озолотил меньшинство и вверг в нищету большинство, то в подсознании этого большинства мало-помалу возникал иммунитет против ельцинской пропаганды. И все её потуги давали эффект, прямо противоположный желаемому.

Политически пассивный гражданин смотрел телерепортаж, где Ельцин – благодетель, а парламент – сборище мракобесных болтунов, и делался политически активным. Но активным – на стороне парламента.

Вечером в понедельник, 27 сентября, у Дома Советов состоялся грандиозный митинг. Такой тьмы народа стены парламента раньше не видывали. На воскресный же митинг ельцинистов на Красной площади с концертом оркестра Ростроповича в качестве приманки людей собралось в несколько раз меньше.

Ничья в словесном поединке Ельцина и парламента была явно в пользу последнего. Выбор большинства стал очевиден – и не только политологам.

Сегодня поутру, когда я дома еще корпел над заметками, мне позвонил мой главный редактор Проханов:

– Запиши телефон управления общественных связей банка «Менатеп». Освободишься, свяжись – там предлагают разместить у нас их рекламу.

Разумеется, я связался и получил приглашение – придти и заключить договор на 22 миллиона рублей. Ни от каких банков прежде нам подобных приглашений не поступало.

Редколлегию нашего «Дня» украшали самые ненавистные Кремлю депутаты: Бабурин, Павлов, Астафьев, Константинов. Их фракция «Россия» доминировала в Верховном Совете. Они срывали бурные аплодисменты на массовых антиельцинских митингах. Им, свершись отставка Ельцина де-факто, если не ведущие министерские посты светили, то уж точно – решающая роль в формировании нового правительства. Так с бухты ли барахты крупный банк «Менатеп» поспешил осчастливить нас рекламой? И не по сходным ли с банкирами мотивам неслабый коммерсант Потёмкин надумал через сотрудника «Дня» оказать услугу парламентам?

Вел ли он со мной игру или из идейных убеждений электростанцию купил, мне было всё едино по большому счету. Я согласился стать посредником в благом деле и о том не пожалел – ни когда искал в Доме Советов генерала Макашова, ни когда с приданным мне по его приказу взводом казаков возвращался назад к Потёмкину.

Его «Лада» была припаркована у забора стадиона «Красная Пресня» – чуть отдаль нескончаемой толпы, плывшей от метро к парламенту. Увидав меня с казачьей свитой, Потёмкин отсоединил от машины двухколесный прицеп с электростанцией. Трое казаков подхватили его спереди и покатали задом. Остальные – прокладывали им дорогу в человеческом муравейнике. Милицейский пост задержать прицеп даже не попытался.

У поста я и расстался с поставщиком света парламенту. На прощанье Потёмкин вручил мне визитку. Но ни словом, ни взглядом не намекнул на то, чтоб я не запомнил им содеянное. В глазах его лишь читалось: что замыслил, исполнил – и на душе полегчало. От светлого потёмкинского довольства собой мои подозрения о корыстных мотивах дарения электростанции как-то поблекли.

Я с приятнью пожал на прощанье его стальную ладонь и потопал в толпе к Дому Советов.

Глава 2. Он вернулся из боя

Площадь перед дворцом парламента 28 сентября не была, как сутки назад, заполнена до краев. Но народ всё прибывал – волна за волной. Народ пожилой и молодой, в обносках и в шик-одеяньях с иголки. Столь разнообразной публики вместе мне в былое время не доводилось видеть, хотя за два последних года я не пропустил ни одного из многих антиельцинских митингов. Ряды злобу на Ельцина выплескивающих колоссально обновились и пополнились.

С балкона Дома Советов хрипло сотрясал воздух мегафон – глаголились решения депутатов из провинции: Новосибирский облсовет не выполнит указ Ельцина о роспуске парламента, Владимирский – считает его не действующим в области... За каждым таким известием следовал гром аплодисментов. На площади витал победительный дух.

Я протиснулся в прорве митингующих к двадцатому подъезду Дома Советов и поднялся на пятый этаж – в буфет. Там, купив бутербродов, сел за столик к одиноко вкушавшему сыр с хлебом депутату Николаю Павлову. Он, неделю не покидавший здание парламента, полюбопытствовал:

– Ну и какие у вас на оккупированной территории новости?

– Забавные, – ответствовал я в тон ему. – К вам, в свободную от ельцинизма зону, вот-вот выдвинется Моссовет – в полном почти своем депутатском составе. Он ножками прошествует с Тверской на Красную Пресню и останется под вашей крышей дневать с вами и ночевать.

Павлов поморщился:

– Большая нам выпала удача. Ты б лучше соврал, мне на радость, что из Рязани идет маршем присягать парламента десантная дивизия.

Я заглотив остаток бутерброда с философским причмоком:

– Все Музы: от Каллиопы до Терпсихоры, – любят терпеливо-упорных. Армия ценит отчаянно-лихих. Пусть Руцкой – голенище с усами, назначенное вами вместо Ельцина исполнять обязанности президента, совершит подвиг. Даже не подвиг, а сумасбродный поступок с риском для жизни – и флаги дивизий в гости к вам обеспечены.

В полемике Павлов напоминал волкодава. Но на сей раз он мой весьма спорный постулат не растерзал:

– Да, в жизни всегда есть место подвигу. Но если господин Руцкой не нашел его за целую неделю, то теперь уже не найдет и подалее. Ты заметил, как с воскресенья Кремль изменил акценты в пропаганде?

– Помои на ваши головы пошли на убыль. Заседайте вы с сентября хоть до белых мух, хоть – до черных. От вас самих вреда уже никакого – вы списаны указом Ельцина на свалку истории. Но, поскольку вам туда не хочется, вы используете для защиты от Ельцина полууголовный сброд. К вам едут со всей страны головорезы, хлебнувшие крови в «горячих точках» бывшего СССР. Они, возрастая в числе день ото дня, получают оружие, захватывают заложников и пытаются их в подвалах Дома Советов. То есть вы, истребленные указом Ельцина народные депутаты РСФСР, свиваете в центре Москвы гнездо террористов, и именно поэтому вас нельзя оставлять в покое. Так всё подается?

– Не знаю, как по телевидению, а по радио – близко к тому. А кому, по-твоему, галиматеевая страшилка адресована в первую очередь?

– Не столице нашей Родины.

– Но и не провинции. Казарме. Там нет источников информации, кроме ельцинских. Нет ни наших листовок, ни газет, вроде вашей. Там высосанная из пальца угроза Москве от боевиков-наёмников и политической шпаны выглядит правдоподобной. А какой отсюда вывод?

Я не уразумел – к чему клонит Павлов:

– Какой?

– Винтовка, которая рождает власть, всё менее нейтральна к нам. Время работает против нас. Мы скоро получим статус стада баранов, приговоренных к закланию. – Павлов опустил кулаки на стол. – Ладно, хватит скулить. Пойдём на балкон покурим.

– Минуту, – не мог я уняться. – Вы ждали штурма Дома Советов в первую ночь после переворотного указа Ельцина. Вы готовились к нему во вторую ночь и в третью... Но он не случился до сих пор. Почему? Оружие у вас выдано не шпане, а красным офицерам и белым казакам с боевым опытом. Ненавидя одинаково Ельцина и воров за ним, они кровушки не пожалеют – ни своей, ни потенциальных штурмовиков. Значит, приказ на штурм – это приказ на обильное кровопускание. Кто из генералов его отдаст, тот рано или поздно пойдет под суд. А в нынешнем генералитете погоду делают те, кому собственная шкура – всего дороже. Маловероятно и появление приказа – риск для карьеристов велик – и его доблестное исполнение. В натасканных на штурм спецподразделениях командиры знают, наверняка, что Дом Советов обороняют профи. Лезть под их пули ради спасения мошны жирных ельцинских котлов спецназовцам резона нет. Так может не винтовка, а толпа родит новую власть – как это было в августе 1991-го?

На усталом лице Павлова вскипел гнев и вылился в частушку:

– Милый мой, Абрам кривой, я твоя подслепа...

Он вонзил в меня зрачки:

– Ты веришь, что в августе 1991-го высшая номенклатура СССР, соорудив ГКЧП – Госкомитет по чрезвычайному положению – действительно хотела спасти от распада великое государство и изменить политику в пользу большинства?

Я развел руками:

– Единственно правильного мнения на сей счет не имею. Абсолютно точно знаю: председатель КГБ СССР, член ГКЧП Владимир Александрович Крючков, уезжая с дачи в день изоляции Горбачёва в Форосе, сказал жене – Екатерине Петровне: «Не успел вот убрать черноплодную рябину. Теперь её птички поклюют». Что стоит за этой фразой? Возможно, сговор с Горбачёвым: сегодня я приказал запереть Михаила Сергеевича в Форосе, а завтра он с триумфом оттуда выйдет и мне, Крючкову, придется малость посидеть в тюрьме – до того, как птички склюют мою рябину.

Кто-то, видимо, в составе ГКЧП был предателем, кто-то – трусом. Поэтому послушная Комитету винтовка не выстрелила и не разогнала полупьяную толпу. И она своими криками сделала Ельцина главным в Кремле и позволила ему разгромить союзный Центр. Сейчас винтовка тоже, скорее всего, будет молчать – де-юре она подчиняется и. о. президента Руцкому, де-факто – низложенному президенту Ельцину. А ему ей, винтовке, возжелай он крови, с какой радости повиноваться? Так что...

– Не стратегически мыслите, сударь, – не дал мне договорить Павлов. – Приснопамятный ГКЧП – верхушка айсберга номенклатуры – плыл туда, куда дрейфовала основная глыба. А она уже успела словить кайф от того капиталистического уклада, который сладили в недрах социализма Горбачёв с Рыжковым. Номенклатура богатеть хотела, а не наводить прокукареканый ГКЧП порядок. Будь всё не так, чины из ЦК КПСС, Совмина СССР и силовых ведомств сгрызли бы кого угодно. Горбачёв, даже при шурах-мурах с кем-то из ГКЧП, вечно куковал бы в Форосе, а Ельцин, который, по сути, устроил мятеж против законного органа союзного правительства, пилил бы лес в красноярской тайге. Но у высшей советской номенклатуры не было стимулов драться за власть. С потерей постов главные чиновники в ЦК и министерствах СССР ничего не теряли – у всех уже были свои теневые фирмы, банки, совместные с иностранцами предприятия, доход от которых превышал все номенклатурные блага. А теперь иное время на дворе и иные ставки в драке за власть.

Павлов огладил свою иссиня-черную бороду:

– Вокруг Ельцина стоит круг лиц, имеющих не деньги, а огромные деньги. Его уход из Кремля не только создает им проблему: как сохранить и приумножить капитал? – но и открывает некоторым вид на тюремную решетку. Любому из них очевидно: в схватке Ельцина с парламентом толпа на нашей стороне. Поэтому они бросят мешки рублей и долларов на то, чтобы одних с винтовкой сбить с панталыку и удержать от вмешательства в схватку, а других – сделать наёмными убийцами. Ну а ты, я надеюсь, понимаешь: вопль толпы перед пальбой винтовки – ничто.

Железные вроде бы доводы Павлова меня не разубедили. Выстрелит ли винтовка – бабушка надвое сказала. А превеликая толпа с победительным духом – вот она – у стен парламента.

Сказанное Павловым о подкупе винтовки я вряд ли бы скоро вспомнил, если бы через пару часов от шелеста огромных денег не хрустнула моя правая ключица.

В сумерках Дом Советов наглухо изолировали. Вся территория вокруг него была оцеплена поливальными машинами и колючей проволокой. У единственного прохода к парламенту меж стадионом «Красная Пресня» и сквером, где был пост из пяти милиционеров в обычной форме, теперь стояла в два ряда орава бойцов ОМОНа – в бронежилетах, в касках, с пластиковыми щитами и резиновыми дубинками.

Прочь следовавших от Дома Советов омовцы выпускали и никого к нему не пропускали. Драли глотки, выставляя пред собой мандаты, депутаты Моссовета. С благим матом тыкались в бронепластиковый заслон неомандаченные граждане. ОМОН не внимал ни тем, ни другим: проход туда был закрыт для всех.

Ор толпы мало-помалу оборачивался в единый воинственный гул: по какому праву нас лишают свободы передвижения по городу?! С теми, кому перекрыли дорогу, объединялись уходившие от Дома Советов. Возмущенные человеческие тела у рядов омовцев набирали ту критическую массу, которая способна была продавить и разметать заслон. И тут раздался диковинный грохот.

Я околачивался на правом краю толпы и при гвардейском моем росте мог все вокруг обозреть. Грохот издавала, как из-под земли явившаяся с трех сторон тьма солдат в шинелях и стальных зеленых касках. Шагая к толпе, солдаты лупили дубинками по щитам в их руках: всех сейчас будем мутузить!

Поголового избиения не свершилось. И солдатики срочной службы из дивизии внутренних войск, как читалось по их погонам, и толстомордые мужи из ОМОНа обрушили дубинки на толпу как-то нехотя, лениво. Они не столько удары наносили по людям, сколько пугали их взмахами дубинок. Но масса солдат и омовцев превышала массу толпы, и та вытеснена была по переулку на магистраль – улицу 1905 года. Толпа разлилась по тротуару, омовцы и солдаты отхлынули назад к Дому Советов.

Паники в толпе натиск дубинок не вызвал ни малейшей. Заполненный народом тротуар клокотал, как кипяток: нас оскорбили применением силы, и мы должны отомстить. Стихийно, без всяких призывов, толпа обратно двинулась в переулок, из которого ее только что выдавили. Но новую стычку с дубинками остановил истошный женский крик:

– Товарищи, мы не пройдем. Там – стена. Дом Советов – от мира отрезан. В нем уже убивают – и депутатов, и рядовых защитников Закона. Пусть об этом все узнают – выйдем на дорогу и остановим движение.

Истерика молодой по голосу дамы вдруг сработала, как приказ. Толпа впервые за час услышала конкретное указание и тут же взялась его исполнять.

На проезжую часть улицы с поднятыми вверх руками высыпали перед мчавшимися машинами сначала десятки, а затем сотни людей. Машины с двух направлений движения под мат водителей разворачивались и удалялись прочь. Толпа завладела улицей и немедленно при-

ступила к строительству – строительству баррикады. Никто к тому не взывал. Толпой руководил неведомый какой-то инстинкт.

От расторопности баррикадостроителей у меня просто дух захватывало. Кто-то тащил со дворов на улицу металлические баки для мусора, кто-то – деревянные доски от столиков и скамеек. Скелет автомобиля «Запорожец» без колес и стекол, полусгнивший тополь, покалеченный диван и пустые фанерные ящики изымались откуда-то и доставлялись на улицу 1905 года. Первая с той поры баррикада в Москве сооружена была творчеством масс минут за пятнадцать.

Еще столько же времени сотворившие ее довольно поглядывали на собственную постройку и на круговые потоки машин с двух ее сторон. А потом стали слышны речи: пора так же перекрыть Садовое кольцо.

Тысячи полторы людей, и я в их числе, рысью мелкой поднялись в горочку мимо метро «Баррикадной» к Садовому. Здесь перерезать автомобильное движение удалось быстрее. Бойкие парни из толпы сходу напали на троллейбус у остановки, высадили водителя и, скинув рога-токоприемники с электролинии, руками выкатили внушительную машину поперек дороги. Два прибывших троллейбуса постигала такая же участь. Возникла преграда транспорту из транспортных средств. Парализовав движение, толпа у троллейбусной баррикады начала скандировать:

– Ель-цин – у-бий-ца! Ель-цин – у-бий-ца!

В сотне метров от баррикады топтались у «Форда» с мигалкой трое офицеров ГАИ и спокойно наблюдали за буйством толпы. Но, не реагируя на нее, они сообщили о происходящем куда следует – Садовое опустело: коллеги офицеров заворачивали машины задолго до подъезда к баррикаде. Делалось это, как оказалось, не только для того, чтобы скрасить неудобство водителям.

Не успела толпа вволю пошуметь, как на пустынном Садовом со стороны Нового Арбата заревели сирены милицейских автобусов. Они мчали пятью колоннами и у баррикады рассыпались веером. Из них высыпали омоновцы – несть им числа – и, не проронив ни слова, бросились на толпу, охаживая дубинками всех подряд. Им отвечали кулаками. Но мужчины в толпе разделены были женщинами и тех, кто пробовал отбиться в одиночку, захлобыстывали сразу несколькими дубинками.

Брызгая кровью, толпа попятилась к тротуарам и проемам между троллейбусами. Окровавленные лица, стоны, ругательства и женские визги омоновцев не утихомиривали, а распяляли. За троллейбусной баррикадой толпа рассыпалась во всю ширь Садового, и избиение ее пошло с таким остервенением, что она вся до единого человека побежала.

Я удирал от дубинного вала к площади Маяковского в кампании народа, гораздо менее меня подвижного. Драпать было стыдно и противно. Кроме того, мне хотелось поглазеть – кого и как будут колошматить, чтоб завтра это описать. Поэтому, прибавив темп, я изрядно от кампании оторвался и стал у арки монументального дома с видом случайного прохожего: не понимаю – что здесь за буза?

Компания строителей баррикады прочесала мимо меня с минутным примерно отрывом от дюжины преследовавших ее омоновцев. Я, добродушно скрестив руки на груди, замер на месте: мне ни до чего нет дела. Но один из дюжины так не посчитал и, поравнявшись со мной, повернул к стене дома и сходу опустил дубинку на мою голову. Я уклонился от удара, спружинив корпусом. Омоновец саданул меня ботинком в бедро. Я плюхнулся в стену и, оттолкнувшись от нее, пнул ногой его в живот. Он отлетел на пару метров. Но сбоку подскочил другой омоновец и со всего размаха огрел меня дубинкой – целил он по голове, попал по ключице. От боли острой в моих глазах потемнело. Я сполз вниз по стене с мыслью: надо закрыть голову – иначе забьют. Но побоев не последовало. Люто залаяла собака – из арки вышла миниатюрная

старушка в платочке со здоровенной овчаркой на поводке. Тот омоновец, которому я всадил пинок, прорычал:

– Бабка, убери зверюгу. Пристрелим.

Старушка безмолвствовала, овчарка кровожадным заливалась лаем. Я приподнялся, бочком правым продвинулся вдоль стены и нырнул в арку. Погони не было. Овчарка лаяла и лаяла.

К метро «Маяковская» я добрался без проблем. Ключица ныла. Но ныла вполне терпимо. И лишь дома мне стало ясно: вместо одной кости от правого плеча до грудины – у меня теперь две.

Вызвав «Скорую», я попал в больницу в Сокольниках, где, сделав рентгеновский снимок, мне поставили диагноз – внутренний перелом ключицы со смещением: надо надевать кольца – гипсовую повязку, стягивающую два плеча через шею и спину.

Три дня я привыкал дома жить в обручах из марли с гипсом. Ни 29 и 30 сентября, ни 1 октября, как говорили репортеры по телевизору и приятели по телефону, у Дома Советов ничего нового не происходило. Там по-прежнему били всех. Били одиночек, случайно оказавшихся у заслонов ОМОНа, били с успехом, обращая в бегство, огромные толпы. Омоновцев навезли в Москву со всей страны – черт на печку не вскинет. Им, вероятно, платили бешеные деньги, и их необъятная сила, помноженная на корысть, изничтожала все потуги сторонников парламента прорвать блокаду Дома Советов.

Поскольку бить начинали сразу у выходов из метро «Баррикадная» и «1905 года», в субботу, 2 октября, враждебная Ельцину организация «Трудовая Россия» назначила свой митинг на Смоленской площади. Узнав о том, я с затворничеством распрощался: что дома сиди-лежи, что спокойно гуляй среди народа – сломанной ключице всё едино. На удаленной от депутатской резервации площади, по моему разумению, побоища не предвиделось.

Мимо гастронома у метро «Смоленская» я вышагивал, ни малейшей не чувствуя тревоги. До начала митинга оставалось минут десять. Перед ступеньками здания МИДа еще и тысячки народа не собралось. Никто не горланил в мегафон. Но мирное собрание кем-то уже было признано общественно опасным.

К мидовской высотке подкатывали, один за другим, милицейские автобусы. Я замедлил шаг. Из автобусов неспешно вывалили омоновцы в черных беретах. Я застыл на углу Садового и Старого Арбата, перегороженного высоченной сценой на металлических трубах. Концерт здесь должен был быть в честь 400-летия Старого Арбата. Омоновцы молча и равнодушно, будто нерадивый скот был перед ними, а не люди, стали колотить дубинками мужчин и женщин.

Толпа, как ни странно, так же молча, отбиваясь древками флагов и транспарантов, авоськами и трубочками газет, засемила спинами к Старому Арбату. С первыми из обращенных вспять я поворотил мимо сцены на арбатский тротуар. За нами медленно потянулись и остальные гонимые.

Вся почти толпа втекла с Садового на Старый Арбат через узкий проход по тротуару между трубожелезной сценой и стеной дома. Последние из отступавших – с десятков мужиков – закупорили своими телами проход и ногами и кулаками остановил омоновцев. Бой был краткий, но свирепый. Среди сопротивлявшихся натиску образовались битые-перебитые, которые поползли по асфальту и подхвачены были на руки толпой. Прочие под побоями сами унесли ноги.

Чем больше омоновцев наплывало по тротуару на Старый Арбат, тем шире вдоль и поперек улицы растекалась толпа. Видимо, не я один, временный инвалид по собственному растяпству, подумывал: куды скоро придется бечь?

Когда примерно треть омоновского отряда вышла на Старый Арбат и вторая серия избияения стала реальной, мегафон разнес хриплый голос Виктора Анпилова – лидера «Трудовой России»:

– Сколько мы еще будем терпеть зверство?! У них – дубинки, мы возьмем железки. Хватайте трубы из этой каракатицы.

Анпилов сам двинулся к сцене. За ним – чуть ли не все правое крыло толпы. Сцена затряслась. Но сразу вырвать из нее удалось лишь пару труб. К мгновенной разборке сборная металлоконструкция оказалась малопригодна. Это уяснил себе густобровый командир омовцев и приказ бить отдал не поторопился – еще далеко не все его бойцы миновали тесный проход по тротуару и ступили на Старый Арбат.

На правом крыле толпы в минутную до новой схватки паузу по-прежнему упрямо терзали сцену, на крыле левом я заметил некую суету: раздвигая перед собой людей, вперед шествовал дородный мужик, обтянутый по пояс курточкой из тонкой коричневой кожи.

Он отделился от толпы, сделал шагов пять прямо на омовского командира и, вытянув правую руку, указательным пальцем поманил его к себе. Я глазам своим не верил, признавая в рисковом мужике... коммерсанта Сергея Потёмкина. Но это был он – по лицу и по стати.

Командир от наглости не опешил. Головы не поворачивая, он пошевелил губами и рядом с ним стоявший широкоплечий сержант в два прыжка долетел до Потемкина и весь свой вес немалый и скорость вложил в удар дубинкой. Потемкин остался цел и невредим. В момент удара он сам прыгнул к сержанту, перехватил его правую кисть с дубинкой, дернул ее в одну сторону, в другую – рубанул ботинком по правой стопе нападавшего и отпустил кисть. Подсеченный сержант покатился по асфальту.

Обида за сослуживца сама собой, без приказа, бросила из рядов омовцев на Потемкина сразу трех толстомордых кряжей. Они взяли его в кольцо и ему, мне казалось, уже не найти было защиты от их дубинок и пинков. Все вокруг замерли. Но то ли ивканьем, то ли гайканьем Потёмкин разрушил тишину, бешено завертелся по крохотному кругу и чудным каким-то образом подошва его ботинка хряснула по челюсти одного из омовцев. Тот рухнул к ногам командира, а Потёмкин, словно бес летучий, резко увеличил круг своего верчения и в полете второго омовца уложил прямым ударом правого кулака в подбородок, третьему – всадил левый локоть в горло.

Оглядев падшие пред ним тела, Потемкин, мне из толпы это было видно, устремил взгляд на командира омовцев и снова поманил его к себе пальчиком. Командир – я впервые заметил, что у него погоны капитана – во всю глотку гаркнул:

– Этих убрать в автобус, на этого надеть наручники – учить его будем в другом месте.

Приказ, как удар тока, весь застывший отряд омовцев привёл в движение. Но, удивительно для меня, вырубленных Потемкиным подхватили и унесли немедленно, а его заковывать в наручники сразу никто не рванулся. Сила, я себе заметил, напоровшись на силу, расплялась не спеша и обдуманно. И страшно было представить, с какой лютостью отряд вот-вот набросится на Потемкина и прихлынувшую к нему толпу. Но справа, от сцены из труб, вдруг кто-то крикнул:

– Товарищи, здесь камни!

Крик взорвал толпу. Мгновение – и в отряд карателей полетели обломки кирпичей. Толпа вооружалась стремительно и грозные еще минуту назад омовцы, на которых не было касок и бронежилетов, со страхом сбиваясь в кучу, ринулись в проход по тротуару прочь со Старого Арбата. Толпа, прихватывая камни, повалила следом.

Когда я вышел на Садовое, автобусы с разбитыми стеклами пятились, увозя от здания МИДа побитых омовцев. Впервые за пять дней в бегство ударились каратели, а не бунтари.

На Садовом у Смоленской площади происходило то же, что в минувший вторник на улице «1905 года»: толпа перекрыла движение и строила баррикады. Сразу две. Стройматериалов оказалось предостаточно. Нашлось в близлежащих дворах и оружие пролетариата – булыжники. В немалом количестве. Оружие сие весьма пришлось кстати. И часа не минуло, как

вместо драпанувших омонцев, на Садовом высадились несколько сотен их коллег. В полной карательной экипировке – в касках, бронежилетах, со щитами и дубинками.

Дважды свежие силы ОМОНа, укрывшись щитами, накатывали стеной на баррикаду слева от МИДа и дважды под градом камней отступали. Воинствующая толпа между двумя стычками с омонцами возросла, как минимум, на треть – в нее вливалась со Старого Арбата гулявшая там молодежь. Вливалась и брала в руки камни.

От третьей попытки разметать толпу омонцы отказались. Они не исчезли, но и на штурм не лезли. Просто стояли в несколько рядов, наблюдая за толпой.

Народ к баррикадам на Садовом всё прибывал и прибывал. Какие-то юноши притащили со двора старые автомобильные покрышки и запалили их. Кто-то затягивал песни. Кого-то на стихи потянуло. Толпа, оставленная ОМОНОм в покое, теряла буйство и, если бы не густой черный дым, валивший от горящих покрышек, то собрание людей на Садовом напоминало бы традиционное народное гуляние в городе в советское время.

Я слонялся от баррикады к баррикаде и встретился в толпе со многими своими знакомыми. Но ни разу мне не попался на глаза Потёмкин. Подивил он народ на Старом Арбате и исчез.

С наступлением темноты меж баррикадами стало еще многолюднее. А надзиравшее за толпой полчище ОМОНа вдруг снялось с места. Автобусы с омонцами убыли, а прибыл к левой баррикаде грузовичок с громкоговорителями. Но него взошли депутаты Верховного Совета Константинов и Уражцев. С ними – полковник милиции.

Депутаты толпе поведали: в Свято-Даниловом монастыре, в резиденции патриарха Московского и Всея Руси, начались переговоры – за один стол сели представители Ельцина и парламента. Обсуждают они: как полюбовно прекратить схватку – обе стороны согласились искать компромисс.

Полковник призвал толпу разойтись: освободите Садовое кольцо, пощадите водителей, страдающих в пробках, а митинговать продолжайте завтра на Октябрьской площади – там сбор разрешен.

Призыв освистали. По толпе прокатился гул недовольства. Но далеко не единодушный. Я это уловил и вывод сделал: всё, бузы сегодня больше не будет – пора домой.

На грузовичок к депутатам и полковнику прорвались активисты «Трудовой России». Из динамиков громкоговорителей понеслось: банду Ельцина – под суд, никаких переговоров. Я выбирался из толпы к метро. И на ходу кто-то меня окликнул по имени-отчеству. Я обернулся. Ко мне пробирался рослый дядя в темном плаще и черной широкополой шляпе:

– Привет писателям статей.

Уже до того, как он приподнял шляпу, до меня дошло: передо мной был Потёмкин.

– Вы, господин хороший, – я протянул ему руку, – часто перенаряжаетесь. Как вельможа. Сегодня в полдень я лицезрел вас в коричневой кожаной куртке.

– Было дело, – Потемкин как бы виновато улыбнулся при рукопожатии. – Заяц цвет шкуры меняет по сезону, человек одежду – по обстоятельствам. Менты, ох, не любят тех, кто их мордами на асфальт кладет. Указивку на меня, после моей засветки на Старом Арбате, небось по всему городу разослали. А мне рано – лапы за спину. Всё интересное только заваривается.

– Кто знает. Торг ведь в монастыре идет: вернуться к 21 сентября – и о событиях одиннадцати дней забыть. Ельцин добровольно подает в отставку, парламент сам себя распускает и до новых выборов все в Кремле и Доме Советов только временно исполняют обязанности. Делить Ельцину и парламенту больше нечего – и вражде конец. Вы не верите в такой исход?

– Мне приказывали в другой жизни, в Афгане, – Потёмкин переступил с ноги на ногу, – мировые с душманами чепурить. И если на самом деле я на перемирие целился, то дороги не минировал и засады не расставлял. Всё понятно?

– Ничего.

Поёжившись, Потемкин застегнул верхнюю пуговицу на длинном своем плаще:

– Я последний раз у Дома Советов был с вами. Потом сделка фартовая выпала – весь ходил в мыле. И про стычки людей с милицией только краем уха слышал. А сегодня переговоры в ресторане закружил и думаю: дай водку до руля выдохну и по Арбату прошурую – туда, где концерт по радио объявляли по случаю юбилея Старого Арбата. Иду-бреду на артистов глянуть и вижу – гастроль ОМОНа. Я ментов перевариваю не хуже и не лучше, чем блатных. Среди тех и этих есть нормальные и есть отморозки. Но нормальный блатной, не сумняшась, запытает ребенка, если вор или авторитет прикажет. Нормальному же менту грех на душу брать не обязательно – он может или болт с гайкой на беспредельный приказ положить, или выполнить его, спустя рукава. А что мы с вами сегодня видали? Нормальные менты уподобляются нормальным блатным и, как ни в чем ни бывало, калечат баб и ломают кости старикам. По приказу до зверства нормальные менты не опускаются, за очень хорошие деньги – всегда пожалуйста. Раз Ельцин дал добро оплатить зверство, ни на какой мир он не пойдёт. Говорю вам еще раз: самое интересное только начинается. Митинг завтра это покажет. И я на него и сам приду, и орлов со своей фирмы приведу – и мы еще посмотрим – у кого кровь красней: у продажных ментов или у нормальных, Родине служивших десантников.

Комментировать сказанное мне не хотелось. Я изрядно озяб и решил немедля откланяться. Потёмкин мое настроение уловил, но вместо слов прощания вдруг, снова поеживаясь, обронил:

– А не заглянуть ли нам куда-нибудь поблизости и не хватить ли по стопке для сугрева?

Я согласился. В кафе-подвале на Старом Арбате мы выпили водки под салатик с ромштексом, установили, что являемся по паспортному возрасту почти ровесниками и перешли на «ты». На том и расстались: я двинул в метро «Смоленская», он – на Новый Арбат ловить такси.

Утром следующего воскресного дня, 3 октября, ровно в назначенное для митинга время – в 11.00 – я прибыл на станцию метро «Октябрьская-кольцевая». Выход из нее наружу был открыт, проход на площадь закрыт – двойным кольцом из солдат внутренних войск.

Митинга не будет, я себе доложил, будет очередная драка – вполне возможно, наиболее грандиозная в сравнении с предыдущими: народ из метро выплывал густо-прегусто.

Жаждавшие митинговать под каменным козырьком кольцевой «Октябрьской» не задерживались – растекались в обе стороны вдоль площади. Меня потянуло налево – на Якиманку. Я шел в плотной толпе мимо двух жидких рядов молоденьких солдат-срочников сам собой неудовлетворенный: ошибся ты, братец – митинг будет, а драки не предвидится.

Для драки с обилием пылавших от негодования сторонников парламента надобны не сотенки юнцов в шинелях, а тысячи матерых костоломов-омоновцев в потасовочной экипировке.

У перехода к станции «Октябрьская-радиальная» я замедлил ход, стал и огляделся. Ни у подворотен Якиманки, ни на прилегающем к площади пространстве за памятником Ленина омовцев не было видно. Что при всем том следовало думать? Не предотвращать митинг солдатиков выставили, а позлить пришедших помитинговать: хотите поорать, разгоните мальчишек с погонами и потом орите, что хотите.

Эта моя догадка очень скоро стала оправдываться. Едва со стороны Ленинского проспекта толпа надавила на солдатиков, они дрогнули – рассыпались. И сразу же двойная цепочка их кольца была разорвана еще в нескольких местах. Причем без рукопашной. Не оказавших сопротивления юношей в шинелях никто обидеть не норовил, и они в минуту растворились во дворах.

Похоже, второе мое предположение подтверждалось: заграждением из солдатиков власть намеревалась не предотвратить митинг, а лишь потрепать нервы враждебному ей люду.

Что опасного предвещало Кремлю еще одно сборище противников Ельцина вдали от Дома Советов? Да ничего. Это сборище – полагали, видимо, командиры карателей, отвечав-

шие за блокаду парламента, – не могло быть убойным для изоляции депутатов. О митинге на Октябрьской площади знали только участники вчерашних беспорядков на площади Смоленской и только успевшие прочесть экстренно изданные малые по числу листовки анпиловской «Трудовой России». А сколько таковых наберется? Ну, максимум десять-двадцать тысяч человек. Захотят они пойти побуьствовать – им на долгом пути к Дому Советов без проблем можно показать Кузькину мать.

Расчет командиров карателей на малолюде митинга на Октябрьской площади основывался на здравом смысле и он, наверное, мог оправдаться, если б не одно обстоятельство. В ночь со 2 на 3 октября в Москве случилось информационное чудо. О митинге на Октябрьской широко не сообщали, но о нем настойчиво узнавали по телефонам – узнавали те москвичи, которые были оскорблены побоищами в столице и горели желанием выразить протест против беззаконий исполнительной власти.

Сработала неподвластная никому телефонная информ-бомба. И, как только около полудни 3 октября оцепившие Октябрьскую площадь солдатики были рассыпаны, на нее с тротуаров Якиманки, с Ленинского проспекта и от выходов у двух станций метро высыпало гораздо более сотни тысяч человек. Образовалось людское море разливанное.

Непредвиденная никем массовость толпы предрешила и непредвиденное ее поведение. Стоило лихой чьей-то глотке прокричать в мегафон: даешь поход на Дом Советов! – и все на площади мгновенно позабыли, что пришли на митинг. Людское море всколыхнулось и бурными двумя потоками устремилось вниз по двум автоспускам с площади – на Садовое кольцо.

Стихийный взрыв – поход толпы к Дому Советов – никто на Октябрьской не готовил. И для власти исполнительной он был неожиданным. Когда громадная толпа по Садовому подплыла к Крымскому мосту, оказалось, что там ее встречают всего лишь сотен семь омовцев. А где в сей момент были тысячи собранных со всей страны костоломов? Дремали в московских казармах и гостиницах?

Наспех откуда-то сорванные бойцы ОМОНа, закрывшись щитами, выстроились в самом начале моста и тем предопределили: вот тут и будет битва. Мне в нее соваться с едва склеенной ключицей резона не было. И я, обогнав колонну, сбежал на набережную реки-Москвы. А оттуда поднялся по лестнице на мост – за спины омовцев.

Они стояли в пять рядов. Без страха ждали приближения толпы и первые ее нападки успешно отразили. С высокого бордюра на мосту я видел всю картину потасовки. Ряды омовцев, перемешавшись, огрызались дубинками, кулаками, ногами и не пятились. Отряд честно отработывал деньги. Но битых им в толпе заменяли небитые, на один пиннок омовца толпа отвечала тремя, кто-то из демонстрантов, получив удар дубинкой, хватался за нее, кто-то помогал эту дубинку вырвать. На омовцев наваливалась неиссякаемая сила.

Отряд на мосту не отступил. Стена его бойцов была поштучно раздергана-растерзана, и толпа хлынула в образовавшиеся бреши. Одиночек-омовцев окружали, навешивали им тумачков и отбирали у них дубинки, щиты, каски и бронежилеты.

Я кинул взор на середину Крымского моста – на быстрый ход по ней авангарда толпы, который, прорвав заслон ОМОНа, разбираться с его поверженными бойцами позволил вслед за ним идущим, а сам рванул дальше. И – ба! – среди вперед устремленных узрел славную вчера в драке на Старом Арбате коричневую кожаную курточку. Потёмкин ступал в кругу крепышей – то ли его друзей-десантников, то или случайных сотоварищей по схватке с омовцами.

Догоняя шибким шагом авангард толпы, я узрел в конце моста шеренгу милиционеров. С длинными какими-то ружьями. Мне еще и страшно не стало от вида этих ружей, как загрозотали выстрелы: не залпом – вразнобой.

Милицейская шеренга палила вверх, но наклонив ружья. На мосту запахло газом. Авангард толпы замер. Где-то невдалеке от меня послышался кашель. В моих бронхах тоже запер-

шило. Я стал заматывать рот шарфом и в сей момент мне на глаза попался Потёмкин. Точнее, его повернутая назад орущая голова:

– Всем! Вперед! Бегом! Марш!

Братия мужская рядом с Потёмкиным тут же ринулась на стрелявших. За ней понеслась и остальная часть находившейся уже на мосту толпы. На атаку милиционеров газом последовала атака на них массы человеческих тел. И выстрелы неожиданно прекратились.

В шеренге с ружьями возникла сумятица. Очень заметная. Милиционеры явно не знали, что им делать. Остановить несущуюся на них толпу пальбой газовыми баллончиками невозможно. Уносить ноги – нет приказа. А третье дано? Милиционеры промедлили с решением и времени укатить у них не хватило. Они завели грузовики и автобусы, начали их разворачивать, но были накрыты толпой.

Не успевших удрать милиционеров в мгновение ока разоружили, отлупили и отпустили. Транспорт же их толпа приватизировала. Два грузовика с железными будками и три автобуса двинулись с пешим людским потоком по Садовому – туда к Дому Советов, туда, где незаконно пленен высший орган власти страны.

За Крымским мостом – на Зубовской площади – я обернулся. Батюшки родные! Толпа сзади – несметная. Она полу-идет, полу-бежит. Энергия от нее исходит – как от гигантской лавины. Быть огню на поражение – вдруг закралось под мою черепную коробку. Не покосят толпу-лавины пулями – она всё сметет на нескольких километрах до Дома Советов.

Прорыв блокады парламента предотвратить теперь, мне стало ясно, можно только раздачей боевых патронов рядовым карателям. Но их командиры не учли сокрушительную энергию толпы-лавины. И они на Смоленской площади – перед поворотом с Садового к Дому Советов – выставили не роту автоматчиков, а полчище омовцев-костоломов с дубинками, щитами и водомётными машинами при них.

Сия абсолютно, казалось бы, непреодолимая, преграда нисколько не смутила толпу. В её авангарде развернули захваченные у милиционеров на Крымском мосту грузовики с железными будками и автобусы и задним ходом под струями водометов двинули их на первые ряды омовского полчища. Одновременно в них полетели камни, не убранные с обочин тротуаров со вчерашнего сражения на Смоленской. Мужики из толпы отчаянно полезли в рукопашные бои с им путь преградившими. И возникло красочное зрелище.

Тысячи и тысячи омовцев-костоломов, собранные за большие деньги со всей России, побежали. Они улепетывали со щитами и дубинками, сплошь покрыв до моста Садовое кольцо и выезд с него, и въезд на него же.

Дух разномастной толпы одолел мускулистые тела отрядов милиции особого назначения. Идеальная одержимость взяла верх над высокооплачиваемой службой. Толпа готова была лечь костями за бесплатно. Сотрудники ОМОНА за деньги отказались рисковать здоровьем и дали дёру. Начисто освободив дорогу к Дому Советов.

Толпа хлынула с Садового на Новый Арбат и повалила на Красную Пресню – к превращенному в тюрьму дворцу парламента. Далее происшедшее – как быстро сменяющиеся кадры кино.

Исчезают при виде толпы бойцы оцепления Дома Советов. Перед заграждениями – пусто. Толпа разрывает спирали колючей проволоки и раздвигает железо окружавших парламент поливальных машин.

Грохочет пулемёт из здания московской мэрии – из штаба блокады Дома Советов. Грохочет – и умолкает после двух-трех очередей по толпе: то ли снайпер из дворца парламента убрал пулеметчика, то ли он сам снял палец с гашетки, испугавшись убивать невооруженных людей.

Сквозь бреши в заграждениях толпа плывет к подъездам Дома Советов. Навстречу ей высыпают его защитники – вооруженные и безоружные. Среди них я вижу поэта Владимира

Лещенко с железной трубой в руке и певицу Тамару Каргинцеву с сумкой медсестры на плече. Обнимаюсь сначала с Володей, потом – с Тamarой. На лицах вокруг – радость несказанная.

Возникают парни в черной униформе с автоматами – из Русского национального единства. Их бросают от Дома Советов к зданию мэрии, из которого палил пулеметчик. Туда устремляется и тьма людей с площади у парламента. Слышатся выстрелы.

Я в гуще тел пробираюсь к объекту штурма. Перед парадными дверями мэрии на асфальте – лужа крови. Кто-то был ранен или убит. Из этих дверей выводят под конвоем зама московского градоначальника. Начальники же милицейские вместе с подчиненными скрылись через черный ход. Появляется из мэрии генерал Макашов в черном берете и провозглашает:

– Теперь у нас не будет ни мэров, ни пэров, ни херов!

Парни из РНЕ, сказал мне их лидер Александр Баркашов, установили посты на этажах мэрии. Всё. Штаб блокады парламента ликвидирован.

Возвращаюсь к Дому Советов. У стен его море человеческое рукоплещет чьей-то завершённой речи с балкона. Там – исполняющий обязанности президента Руцкой и назначенные им министры, председатель Верховного Совета Хасбулатов и известные депутаты. Им вволю теперь можно глаголами жечь сердца превеликой толпы. Но для чего?

Всем на балконе, как пить дать, очевидно: прорыв блокады парламента восставшими москвичами не означает краха режима Ельцина. Восстановлено то, что было 21 сентября – в день президентского указа о роспуске высшего органа власти страны. Не признавший этот указ парламента – снова без тюремщиков. Низложенный им де-юре Ельцин по-прежнему де-факто – при полномочиях. Как обязать министерства и ведомства подчиняться не Ельцину, а Руцкому – по закону возведенному парламентом в ранг и. о. президента?

Я протискиваюсь в толпе к двадцатому подъезду Дома Советов. Предъявляю охране пропуск, вхожу в холл и замечаю: ура – лифты работают. Свет дали. Хозяйственников Москвы, десять дней лишавших парламента электричества, народное восстание образумило. А отключенные стационарные и мобильные телефоны Руцкого и Хасбулатова не врубили ли уже? И не звонят ли им высокие чины исполнительной власти и не присягают ли на верность?

Вход на балкон Дома Советов, где находились и. о. президента, председатель Верховного Совета и иже с ними, сторожил с автоматом мой знакомый – здоровяк-сибиряк, лидер русских националистов Тюмени Александр Репетов. Мы поздоровались и он пропустил меня к стоявшим вокруг микрофонам. Нет, оказывается, убеждаюсь я через пару минут, телефоны Руцкого и Хасбулатова безмолвствуют.

Отречение высокопоставленных чиновников от поправшего Конституцию Ельцина не состоялось. И Руцкой бросает клич в толпу: всем в Останкино – возьмем телерадиоцентр и уокошим пакостный ельцинский режим в эфире перед всем народом.

Толпа восторженно загудела: да, да, да! Она, толпа, воодушевленная проломом ею страшных преград из отборных милиционеров на Крымском мосту и Смоленской площади, жаждала действия и готова была ринуться в любом направлении. Руцкой указал на телерадиоцентр в Останкино. Ну, и его взятием довольствуемся.

Меня, частичку победоносной толпы, клич Руцкого несколько не смутил: всем велено в Останкино – и я туда же.

На выходе из двадцатого подъезда Дома Советов меня остановил с раздраженным лицом Сергей Потёмкин:

– Николай, кто может отменить эту идиотскую установку Руцкого?

– Какую именно?

– На поход к телецентру. Нельзя прорву бунтовщиков уводить из центра Москвы на окраину – в Останкино. Нельзя.

– А что надо делать?

– Надо перекрыть троллейбусами и автобусами все подъезды к правительственным учреждениям и взять их под наш контроль. Прежде всего – Министерство обороны.

Потёмкин расстегнул свою коричневую куртку, под которой висел автомат:

– Погляди, я разжился оружием. Мои друзья – нет. А если в Доме Советов нам выдадут два десятка стволов, то в родном Министерстве обороны мы снимем охрану и проведем туда родного человека – десантника Ачалова. Его ведь Руцкой назначил министром обороны?

– Да.

– Ачалов – боевой генерал с авторитетом в войсках. Займет он кабинет министра – к вечеру в Москве высадятся десантные дивизии. Не будет их, не поставят они раком перед парламентом всех чиновников – Ельцин вызовет штурмовую авиацию и разнесет Дом Советов. Шкуркой вояки чую бомбежку. Нам не телецентр нужен, а Министерство обороны. Иди и скажи это депутатам.

Я положил руку на плечо Потёмкину:

– Извини, я – спец по складыванию слов, а не по военным действиям. И мне, бумаго-марателю, нелепо лезть с поучениями к политикам. И от тебя, матерого вояки, твои доводы уже никто не воспримет. Решение принято и исполняется: видишь – народ заводит брошенные омовцами автобусы и грузовики.

Поход на телерадиоцентр поручили возглавить генералу Макашову. Он с двумя десятками вооруженных автоматами бойцов в камуфляже сел в первый отправлявшийся в Останкино автобус. Я успел заскочить во второй. На остальном омовском транспорте разместились еще сотни три людей. Тысячи, дабы попасть к телерадиоцентру, двинулись к метро.

Автоколонна от Дома Советов катилась по пустым улицам Москвы под красными и черно-золотисто-белыми имперскими флагами. Прохожие на тротуарах дружески ей салютовали поднятыми вверх кулаками. Никаких стражей порядка ни с дубинками, ни жезлами автоинспекции нигде не было видно.

На проспекте Мира, неподалеку от поворота к телерадиоцентру, стояли несколько бронетранспортеров. Солдаты на их крышах приветствовали автоколонну с не меньшим дружелюбием, чем прохожие. Овладеть телерадиоцентром и заявить всей стране «Ельцину – капут!» – теперь раз плюнуть. Так, скорее всего, не только я думал, но и все посланные от Дома Советов.

Автобус с генералом Макашовым и его вооруженным отрядом затормозил напротив входа в здание администрации и студий телерадиоцентра. Генерал медленно поднялся по ступенькам крыльца к стеклянным дверям. За ним – отряд с опущенными вниз стволами автоматов. А за стеклами – ой-ей-ей – я углядел взвод бойцов в спецназовской снаряжении с автоматами, нацеленными на Макашова. Ему командир взвода пройти в здание не позволил. Но пообещал согласовать его встречу с руководством телерадиоцентра.

Народ, выгружавшийся с автобусов и грузовиков, оккупировал ступеньки у стеклянных дверей. За Макашовым с автоматчиками, не намеренными стрелять, – уйма безоружных людей, перед ним – взвод спецназа, стрелять готовый. Приказ на прорыв через двери генерал не отдал.

К телерадиоцентру стали прибывать те, кто отправился от Дома Советов на метро. Скопище народа за Макашовым всё росло и росло, а на встречу с начальниками телерадио его, похоже, и не думали допускать.

Начало темнеть, и в толпе вдруг раздались речи: раз вход в администрацию и телестудии телерадиоцентра прегражден стрелками с автоматами, надо ворваться в неохраняемый центр технической трансляции напротив и оттуда выйти в эфир – к стране и миру.

Сама по себе, без томившегося в ожидании переговоров с начальниками телевидения генерала Макашова, толпа с грузовиком впереди переместилась к техцентру. Грузовик врезался в его двери, у кого-то из толпы взорвалась шумовая граната и сразу – раскаты автоматных

очередей. Шквал пуль ударил по толпе возле техцентра с высокого этажа противоположного здания. Жуть сотворилась: громыхание выстрелов, вопли, стоны, давка.

Меня кто-то толкнул, я на кого-то налетел, все вокруг побежали к скверу, огонь свинца валил десятки людей. После бега в толкотне я спрятался от свиста пуль за деревом. Упавших перед техцентром автоматчики не добивали. Палили они по рассеявшимся в сквере.

Через полчаса непрерывной стрельбы заревели сирены машин «Скорой помощи». Бесстрашные врачи и санитары под пулями у них над головами подбирали у техцентра на носилки убитых и раненых.

«Скорые» убыли, и на улице у телерадиоцентра зарокотали бронетранспортеры. Возможно, те, что приветствовали ведомую Макашовым автоколонну на проспекте Мира. Они прибыли подавить огонь спецназовцев-убийц? Вовсе нет. Пулеметы бронетранспортеров жаждали по скверу, где укрывалась спасаемая от автоматных очередей толпа. Никаких шансов на взятие телерадиоцентра у посланцев парламента не осталось.

Метро в Москве работало как обычно. Я вынырнул со станции «Баррикадная» около полуночи. Путь к Дому Советов был свободен. Ни единого милиционера поблизости. Блокаду дворца парламента не восстановили. Но окна его были темны. Опять отключили электричество. Мирного завершения схватки окружения Ельцина и депутатов явно не предвиделось.

Площадь перед Домом Советов была полупуста. Из огромной толпы, уведенной отсюда к телерадиоцентру, обратно вернулась ее ничтожно малая часть. Большинство отправилось по домам: кого-то завтра утром ждала работа, кого-то ужас стрельбы в Останкино погнал в безопасные свои квартиры.

Я подошел к группе людей под темными окнами парламентского дворца. Она слушала новости из радиоприемника: Ельцин объявил в Москве военное положение – народное восстание в столице он расценил как вопиющие беспорядки, с которыми необходимо покончить. Каким образом – не было сказано.

Известие о введении военного положения разнеслось по всей площади. Но она не опустела. То же известие, наверняка, довели до сведения засевавших в Доме Советов казаков, оставших офицеров и парней из Русского национального единства. Но они не складывали оружие и не уносили ноги: не довелось отбиваться при осадном положении, будем – при военном.

На задворках площади – рядом с палатками невооруженных защитников парламента – горели костры. У крайнего из них со стороны Горбатого моста я узрел знакомые лица – поэта Лещенко и коммерсанта Потёмкина. Они сидели на бревнышках еще с тремя какими-то мужиками. По кругу их компании ходил раздвижной пластмассовый стаканчик. Обернувшись на мои шаги, Потёмкин показал мне на свободное место напротив:

– Давай к нам. Мы не бражничаем – поминаем товарищей. Ты из Останкино?

– Да.

– Сколько там наших полегло?

– Машин «Скорой помощи» видел десятки, значит – убитых и раненых больше сотни.

Я опустился на край бревнышка. Потёмкин вынул из пакета у его ног вторую бутылку водки, отвинтил крышку, наполнил стаканчик и протянул мне:

– Выпей за убиенных, с которыми мы могли победить. «Наши павшие нас не оставят в беде, наши мертвые, как часовые...» Если поэт Высоцкий прав, то мы милостью сегодня вознесенных на небеса – завтра выживем.

Опустошенный стаканчик я передал Потёмкину. Он влил в него водки. Стаканчик опять пошел по кругу. Лещенко, член Союза писателей СССР и бомж Российской Федерации, возвратив Потёмкину опорожненную посудинку, потряс перед ним железной трубой:

– Думаешь, Серега, в рукопашную нам идти вот-вот – этой ночью?

– Рукопашных, Володя, – Потёмкин отвел трубу Лещенко влево, – здесь вообще не будет. Именно поэтому я распустил по домам моих друзей-десантников. На рассвете над Домом Со-

тов закурлычат самолеты-штурмовики с вертолетами и начнут крушить этаж за этажом. Крушить до тех пор, пока все оттуда не выйдут с поднятыми вверх руками. Этот ход при военном положении – самый надежный. И именно его Ельцин предпочтет. Вот увидишь. Ельцин не так глуп, как Руцкой, который победоносную толпу угнал из центра столицы на окраину и подставил под пули...

У Лещенко отвисла губа. Он дернул Потёмкина за лацкан его коричневой куртки:

– Серега, чо чушь накаркиваешь? Если ты предвидишь разгром, то почему тут остаешься?

– Дорогой поэт, тебе штатскому, трудно понять меня, военного. – Потемкин приподнял полу куртки и показал Лещенко блеснувший в свете костра металл. – На моем правом плече – автомат Калашникова укороченный. Он мне не даден. Я сам захватил его в бою. А расстаться с ним просто так не могу. Если я, офицер, брошу оружие до исхода боя, мне всю жизнь будет стыдно.

В пакете у ног Потёмкина была еще одна не приконченная бутылка. После третьего стаканчика водки на голодный желудок меня сморило. Глаза слипались и я, сказав Потемкину и Лещенко: «До встречи на рассвете», – двинулся через площадь к двадцатому подъезду Дома Советов.

С момента выхода антиконституционного указа Ельцина и до блокады парламента я шесть ночей коротал здесь. Удавалось мне и поспать – в кабинете на шестом этаже, который оставили подчинившиеся ельцинскому указу депутаты-демократы. В сей кабинет от костра я и направился.

В холле двадцатого подъезда ходили, стояли, сидели вооруженные бойцы. Они же с автоматами – на постах на лестничных площадках. Защитники парламента ожидали штурм и готовились его отражать.

Кабинет депутатской фракции «Смена»-«Новая политика» на шестом этаже был никем не занят. Я составил в ряд четыре мягких стула: вот тебе – кровать, вот – подушка из подшивки газет. Пора чуть-чуть бай-бай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.